

ПРОСТО О СЛОЖНОМ

ЛАО-ЦЗЫ

ЗА 90 МИНУТ

ЗНАМЕНИТЫЕ МИСТИКИ ЗА 90 МИНУТ!

УДК 159.9
ББК 86.4
Л 23

Оформление
Дизайн-студия «Дикобраз»

Автор-составитель
Золотаревская Марина Александровна

Художники
Долгин Владимир Борисович и Каганова Елена Исааковна

Подписано в печать 09.03.2006. Формат 84х108 1/32.
Гарнитура «Ньютон». Бумага газетная. Усл. печ. л. 5,04.
Тираж 5000 экз. Заказ № 6462.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.2005

Л 23 **Лао-Цзы** за 90 минут / авт.-сост. М.А. Золотарев-
ская. — М.: АСТ: Астрель: Профиздат, 2006. — 91,
[5] с. — (Знаменитые мистики за 90 минут).

ISBN 5-17-037784-3 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-14222-1 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 5-88283-319-1 (ООО «Типография ИПО
профсоюзов Профиздат»)

В книге «Лао-Цзы за 90 минут» читателю предлагается краткий, но подробный обзор жизни и трудов знаменитого китайского философа. Здесь раскрывается влияние развития духовного мира Лао-Цзы, полного парадоксов и противоречий, на понимание им сущности бытия. Читатель найдет в книге описание жизненного пути великого мистика, выдержки из его работ, а также даты важнейших событий, произошедших как в судьбе самого Лао-Цзы, так и в истории его эпохи.

ISBN 5-17-037784-3
(ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-14222-1
(ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 5-88283-319-1
(ООО «Типография ИПО
профсоюзов Профиздат»)

УДК 159.9
ББК 86.4

© ООО «Издательство Астрель», 2006

Содержание

1. Мистические парадоксы Лао-Цзы	5
2. Вместо биографии	13
3. «Дао дэ цзин»	29
4. Пилигримы трансцендентного	57
5. Жизнь после жизни	73
6. Некоторые даты	79
7. Небо становится ближе	87

Мистические парадоксы Лао-Цзы

Отправился однажды некий смотритель императорских книгохранилищ в путь, и путь этот уже больше двух с половиной тысяч лет называют «Дао».

«Дао порождает одно, одно порождает двух, двое порождают трех, три порождают тьму сущностей. Все сущности носят в себе инь и ян, наполнены ци и образуют гармонию» — так охарактеризовал Дао его основоположник Лао-Цзы (Ли-Эр) в чжане 42 книги «Дао дэ цзин». В упрощенном виде бытует поговорка: «И дорога в тысячу ли начинается с первого шага» (из чжана 64). Само слово «Дао» имеет четыре созвучные формы: «Тао», «До», «То». А значений гораздо больше: «путь»,

«дорога», «повиновение», «слово» или «говорить», «истина», «этический долг человека», в то же время: «текущее», «ускользающее», «пустота» или «отсутствие». Парадоксален и смысл всей фразы, получается: «Все вещи в Поднебесной рождаются из Наличия, а Наличие рождается из Отсутствия». Более чем за 400 лет до Рождества Христова китайский библиотекарь провозгласил, что в начале было Слово, а слово это Тао (кстати, у греко-римлян Тео — это Бог..).

В описании дао в «Дао дэ цзине» присутствуют одновременно и значения, характерные для культа богини-матери: дао — пустой сосуд, пустота, сокровенный мрак, нерожденное, предшествующее Небесному Владыке, Сокровенная Самка — врата Неба и Земли, мать, женственное, курица, Мать Поднебесной. Кроме того, дао уподобляется воде, ложбине или долине, порождающей все сущее в пустоте своей низины. Первый комментатор «Дао дэ цзина» известный философ Ван Би (III в.) трактовал: сокровенное (оно же безымянное) дао лелеет и рождает сущее, а явленное, именуемое дэ, питает и вскармливает его.

В трактатах даосов говорится, что еще до отделения Земли от Неба, в первобытном хаосе Лао-Цзы явился под именем Преве́рховного чудесного владыки, а затем в различных обликах являлся наставником легендарных правителей древности. В 1526 г. до н. э. он, превратившись в пилюлю, упал в открытый рот уснувшей в саду восьмидесятилетней девицы. Та забеременела и в этом состоянии прожила еще восемьдесят один год. Весной 1446 года до н. э. луч солнца внезапно превратился в звезду, также упавшую в рот задумавшейся шестидесятилетней девицы. В тот же момент у нее из подмышки вышел морщинистый седой ребенок с редкими зубами и длинными ушами. Новорожденный, сделав несколько шагов, указал на сливу в саду и сказал: «Назовите меня по имени этого дерева». Так его и назвали — Ли Эр, а Лао-Цзы («Старый ребенок») — полученное позднее прозвище. С проникновением в Китай буддизма легенду дополнили еще одним эпизодом: появлением Лао-Цзы в Индии, где он вселился во чрево королевы Майи, впоследствии родившей Будду Шакьямуни.

Откуда бы он ни взялся, решил-таки Лао-Цзы совершить путешествие на черном, зеленом, а по

некоторым сведениям — синем быке через горный проход Ханьгу в западной части нынешней провинции Хэнань, при этом на рисунках мудрец порой сидит головой к хвосту невозмутимого животного. Эта небрежность произошла, очевидно, потому что прямо на границе его слуга Сюй Цзы отказался сопровождать философа дальше, требуя уплаты жалованья за все время службы. Поскольку они путешествовали уже двести лет, слуге причиталась огромная сумма. У Лао-Цзы денег при себе не оказалось, тогда Сюй Цзы пожаловался на него смотрителю заставы. Недовольный философ позвал слугу к себе и приказал ему наклонить голову. Тут изо рта у того выпал талисман бессмертия, выданный Лао-Цзы, слуга упал бездыханный и превратился в скелет — законы природы, приостановленные талисманом на двести лет, вступили в свои права.

Пораженный увиденным, смотритель заставы стал умолять Лао-Цзы вернуть жизнь слуге, обещая расплатиться с ним своими деньгами. Философ просто бросил на скелет слуги талисман, и через минуту тот встал, не догадываясь, что с ним происходило. Расставаясь со смотрителем заста-

вы, Лао-Цзы оставил ему краткое изложение своего учения — тогда никому не известную еще книгу «Дао дэ цзин» и продолжил свое путешествие на запад, сидя лицом к востоку.

Такой вот полумифический персонаж, у которого насчитывается еще и несколько имен, что, впрочем, характерно для древнего Китая, где практически каждому возрасту и профессии человека соответствовало новое имя или прозвище. Тем не менее его записи, насчитывающие немногим более 5000 иероглифов, — вещь совершенно реальная, имеющая за века своего существования миллион, если уже не миллиард толкований, трактовок, переводов и «свежих» прочтений.

На Западе «Дао дэ цзин» — гораздо более популярное произведение, чем труды Конфуция или любого из его последователей. Опубликовано сорок только английских переводов этой книги — больше, чем любой другой, кроме Библии.

Подлинники рукописи обнаружены были в так называемых мавандуйских погребениях, которые относятся к IV—II вв. до н. э. А сравнительно недавно, в 1993 г., в местечке Годянь (Вост. Китай,

провинция Хубэй) при вскрытии гробницы, являющейся, предположительно, местом погребения наставника наследника престола царства Чу, археологами было обнаружено более 700 бамбуковых планок, покрытых письменами. Среди них оказались и три связки планок, содержащих неозаглавленные тексты, перемежающиеся фрагментами книги «Лао-цзы», ныне более известной как «Дао дэ цзин».

«Старый ребенок» продолжает удивлять даже нас — современников расщепления атома, оказавшегося еще не пределом материальности мира, еще не той Великой пустотой, порождающей все.

Первый чжан

Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное дао.

Имя, которое может быть названо, не есть постоянное имя.

Безымянное есть начало неба и земли, обладающее именем — мать всех вещей.

Поэтому тот, кто свободен от страстей, видит чудесную тайну [дао],

а кто имеет страсти, видит только его в конечной форме.

Безымянное и обладающее именем одного и того же происхождения,

но с разными названиями. Вместе они называются глубочайшими.

Переход от одного глубочайшего к другому — дверь ко всему чудесному.

Ян Хин-шун. «ДАО ДЭ ЦЗИН»

Перевод с древнекитайского в двухтомнике

«Древнекитайская философия»

Из годяньской находки:

«Не имеет оно первого имени. Даю второе имя ему, называя Дао. Я, вынужденно давая ему первое имя, называю Великим. Великое означает Ускользящее, Ускользящее означает Удаляющееся,

Удаляющееся означает Обращающееся».

Перевод Ю. Кан

Возникло нечто смутное вдали,

Возникло раньше Неба и Земли:

Оно не слышимо и не видно,

Им навсегда все сущее полно.

Оно — Начало Небу и Земле.

Перевод В. Перелешина.

Рио-де-Жанейро, 1971

Вместо биографии

Наиболее емкой и достоверной биографической справкой о Лао-Цзы представляется версия Конисси Масутаро — японского ученого XIX в., выпускника семинарии при Российской духовной академии в Токио, полемизировавшего с профессором Васильевым, издавшим в 1875 году книгу «Религии Востока» и сомневающимся не только в существовании самого Лао-Цзы, но и во времени создания книги «Тао-те-кинг» (под таким названием ее читали в России во времена акунинского Фандорина). Уважаемый профессор считал Лао-Цзы на 2 века младше Конфуция, а «Дао дэ цзин» — критикой уже сформировавшегося на тот момент конфуцианства.

Относительно года рождения Лао-Цзы — Ко-нисси Масутаро называет его на японский манер: Лаоси — нет никаких достоверных данных. Предположительно Лаоси родился в 604 г. до Р. Хр. Если мы поверим известию, переданному историком Сыма Цянем (знаменитый китайский историк жил во второй половине II и в первой половине I века до Р. Хр. Будучи тайси, т. е. начальником комиссии для составления древней истории Китая, в 91 году до Р. Хр. издал свой превосходный труд «Историческое повествование» — «Си-Ки» («Ши цзи») состоящий из 126 книг), что Конфуций имел свидание с Лаоси, то можно будет предположить, что годы цветущей деятельности нашего философа относятся приблизительно к началу политико-философской деятельности Конфуция. Отсюда можно заключить с достаточной вероятностью, что Лаоси родился приблизительно в начале 600-х годов до Р. Хр. Родители великого мистика жили в селе Кеку-Зин уезда Лей провинции Ку, которая находилась в королевстве Со (близ теперешнего Пекина). Об их профессиях не сохранилось никаких известий. Местечка, в котором родился Лаоси, давно не существует. Имя Лаоси значит «пре-

старелый философ» или «мудрый ребенок» — это не собственное имя его, так называли и называют его древние и современные китайцы, желая этим выразить уважение к нему как мыслителю. Фамилия его была Ли, имя Зи, псевдоним Хакуян (носить псевдоним — обычай китайских ученых), а после смерти ему дали прозвище Сен (длинноухий). Комментатор «Исторического повествования» Сыма Цяня говорит, что Лаоси носил фамилию Ли по матери, а свой псевдоним заимствовал от имени своего отца. О том, какое образование получил Лаоси, до нас не дошло никаких сведений. Но, судя по тому, что впоследствии наш философ нес важную государственную службу, доступ к которой был открыт только для выдержавших особые государственные экзамены, нужно думать, что Лаоси в своей молодости получил хорошее, конечно в тогдашнем смысле, образование. В одном примечании в истории Сыма Цяня приводятся слова апокрифа: «Лаоси был (человек) высокого роста; цвет лица у него желтый, красивые брови, длинные уши, широкий лоб, редкие и некрасивые зубы, четырехугольный рот с толстыми и безобразными губами».

Образ жизни Лаоси, по преданию, был весьма своеобразен. Не подлежит сомнению, что он исполнял или, по крайней мере, старался исполнять все то, что ему казалось истиной, правдой. По-видимому, он был человек простой, нетребовательный, скромный и, так сказать, нищий духом. Каково было его материальное обеспечение, об этом есть очень достоверное известие. В 20 чжане «Тао-те-кинга» он пишет: «Многие люди богаты, но я не имею ничего, как будто все потерял». Это дает нам основание заключить, что Лаоси был небогат; но если принять во внимание, какой пост он занимал в период своей государственной деятельности, то нельзя предполагать, что он был совсем не обеспечен. Однако есть основание думать, что он раздавал бедным все, что имел, делая это втайне от всех. «Я раздаю милостыню, — говорится в 43 чжане «Тао-те-кинга», — в великом страхе». Он учил не мудрствовать, а действовать, не мечтать, а работать. Словесное учение недействительно и несущественно, а истинное учение, по его мнению, должно осуществляться на деле, т. е. необходимо делами доказывать истинность учения.

Это дает нам основание думать, что во время своей служебной деятельности наш философ не столько проповедовал свое учение, сколько старался осуществлять его на деле. Тем не менее есть основание предположить, что учение Лаоси получило громкую известность еще при его жизни. «На всей земле (т. е. в Китае), — пишет он, — люди говорят, что мое Тао велико» (57). Несомненно, что Лаоси очень рано стал чувствовать склонность к аскетической жизни. Он был глубоко рассудителен; ему были чужды всякого рода порывы чувств и экстазы. В его общественной и частной жизни не имели места никакие страсти. Аскетическое настроение и образ жизни, однако же, не мешали ему вести семейную жизнь, хотя о ней мы никаких точных известий не имеем. В «Историческом повествовании» Сыма Цяня есть, однако, любопытное известие относительно судьбы потомков Лаоси. Сын нашего великого мистика Со был сыном своего времени в полном смысле этого слова: он избрал военную карьеру, к которой отец его относился отрицательно. Он не сочувствовал учению своего отца.

Лаоси был начальником императорского книгохранилища (или же государственного архи-

ва). Долго ли он находился на этой должности, нам неизвестно. Впрочем, нужно заметить, что эта служба Лаоси имела громадное влияние на развитие его философской мысли, так как дала ему свободный доступ к хранилищу всякого рода знаний. Современное ему китайское общество, среди которого он вырос, тоже не осталось без влияния на его ум. И ему, как впоследствии Конфуцию, хотелось спасти своих единоплеменников от бесконечных политических усобиц. Это стремление очень ясно и характерно отразилось на всей системе его философии. В каком отношении находился Лаоси к мыслителям своего времени, подробных сведений не сохранилось. Есть только информация о встрече двух Великих мистиков и философов Срединной империи.

Историк Сыма Цянь передает нам весьма интересное описание свидания Лаоси и Конфуция: «Когда Конфуций находился в Сиу, то он посетил Лаоси, чтобы услышать мнение его относительно обрядов». «Обрати внимание на то, — сказал Лаоси Конфуцию, — что люди, которые учили народ, умерли, и кости их уже давно истлели, но слова их доселе существуют. Когда мудрецу благоприятству-

ют обстоятельства, он будет разъезжать на колесницах, когда же нет, он будет ходить, нося на голове тяжесть, держась руками за край ее», — это значит, что когда мудрец служит умному царю, то идеи его получают осуществление; поэтому он будет торжествовать и пользоваться почетом. Но когда он служит недальновидному царю, то будет оставлен без внимания, преследуем и угнетаем, как носящий на голове тяжесть поденщик. «Я слышал, что опытный купец скрывает свой товар, как будто ничего не имеет. Точно так же, когда мудрец имеет высокую нравственность, то наружность его не должна этого выражать. Ты брось свою гордость вместе со всякого рода страстями; оставь свою любовь к прекрасному вместе с склонностью к чувственности, потому что они бесполезны для тебя. Вот что я говорю тебе, и больше ничего не скажу». Удалившись от нашего философа, Конфуций сказал своим ученикам: «Я знаю, что птицы умеют летать, рыбы умеют плавать в воде и животные умеют бегать. Так же знаю, что бегущих можно остановить тенетами, плавающих — сетями, а летящих — силками. Но что касается дракона, то я не знаю ничего. Он несется на облаках и подни-

мается на небо. Я сегодня увидел Лаоси. Не дракон ли он?»

Возможность свидания двух философов Китая на самом деле вполне вероятна. Конфуций, как человек любознательный, долго искал истины. Поэтому он мог обратиться к великому мистика, известнейшему ученому того времени, чтоб уяснить себе, в чем состоит сущность обрядов, которым китайцы придавали огромное значение. Приехав в столицу тогдашнего Китая, Конфуций, естественно, мог пожелать посетить местную знаменитость. Притом, если мы обратимся к содержанию переданной нами беседы двух великих философов, то должны будем признать, что каждый выразил в ней характерную и существенную сторону своей философии. Лаоси, как проповедник теории смирения, предлагает Конфуцию бросить гордость и увлечение вещами из мира сего; Конфуций, придававший огромное значение всему конкретному, спрашивает Лаоси об обрядах и удивляется возвышенному и глубокомысленному учению своего собеседника. Лаоси был очень недоволен современными ему общественными и политическими делами. Это недовольство было до того сильно, что он, оставивши свою госу-

дарственную службу, удалился в уединение. Желая жить вне той страны, беспорядок и нравственное падение которой его возмущали, он хотел уйти через западную границу в страны варваров. Но тут случилось нечто неожиданное для него. Увидев, что этот знаменитый муж удаляется из империи, начальник пограничной стражи, Ин Ки, сказал ему: «Философ! Ужели ты думаешь скрыться? Если так, то прошу — изложи сначала свое учение для нашего наставления».

И вот Лаоси, удовлетворяя требованию любознательного чиновника, будто бы написал знаменитый «Трактат о нравственности» — «Тао-те-кинг». Но тут возникает вопрос: написал ли Лаоси свою книгу сразу или в разное время? Ответ находится в самом «Тао-те-кинг». Более обстоятельное знакомство с сочинением показывает, что каждый афоризм его вполне самостоятельный и не имеет внешней связи с другими. Это дает полное право заключить, что «Тао-те-кинг» написан в разное время, по разным поводам. Поэтому, отданная нашим философом пограничному чиновнику рукопись «Тао-те-кинг» была, вероятно, сборником его афоризмов. Как жил Лаоси после того, как удалил-

ся в уединение, об этом решительно ничего не известно. «Некоторые думают, — пишет историк Сыма Цянь, — что Лаоси жил до 160 лет от роду, другие — до 200 лет благодаря своей святой жизни, согласной с Тао». Если это известие и преувеличено, то все-таки вероятно, что, ведя жизнь вполне воздержную и умеренную, наш философ пользовался крепким здоровьем и дожил до глубокой старости. Учение Лаоси, составляющее в некоторых отношениях диаметрально противоположность традиционному миросозерцанию Срединной империи, по-видимому, не могло найти много последователей, тем не менее в каждом столетии оно находило истолкователей, которые, желая развить далее философские воззрения своего великого учителя и закончить работу его мысли, отчасти повредили ему. Соси и Зюнь-Си, развивая теоретическое и нравственное миросозерцание Лаоси, внесли в систему его много чуждых ей элементов; а Канписи, развивая политико-социальные воззрения Лаоси, довел их до последней крайности. Таким образом, система нашего философа, уже вскоре после смерти его, подверглась довольно серьезному искажению, хотя и сохрани-

ла имя лаосизма. Но на этом дело не остановилось: чем дальше шло время, тем больше учение Лаоси извращалось. Лаосизм, или даосизм, особенно много потерпел от буддизма. Буддизм был занесен в Китай во II веке до Р. Хр. С необыкновенной быстротой распространяясь среди народа, он обратил на себя внимание даосов. Даосы, усвоившие только аскетическую идею своего учителя и не понимавшие сущности его философской системы, с великой радостью встретили буддистов: они видели в буддизме дальнейшее развитие своей аскетической идеи. Вот с этих-то пор и начинается печальная история лаосизма. Оригинальное миросозерцание великого Лаоси стало забываться среди его последователей; внешний строй и внутреннее устройство общества даосов окончательно изменились: в них вошло много буддийских элементов. Кроме буддизма, на общество даосов имели влияние разные традиционные древние народные верования. В таком печальном виде общество даосов существует и донныне в Китае и Японии. Профессор Васильев прав, когда, характеризуя современное состояние указанного общества, говорит, что они — последователи Лаоси только по

имени, а не по существу. «Даосизм, — пишет он, — есть самый разнородный состав всякого рода верований и приемов, не имеющих между собой ничего общего... У всех них общее только имя, да то, что все они признают своим учителем Лаоси». Так в традиционном восточном стиле — примирением с противником — завершает полемику Конисси Масутаро.

Второй чжан

*Когда все в Поднебесной узнают, что прекрасное
является прекрасным,
появляется и безобразное. Когда все узнают, что
доброе является добром,
возникает и зло. Поэтому бытие и небытие по-
рождают друг друга, трудное и
легкое создают друг друга, длинное и короткое
взаимно соотносятся, высокое
и низкое взаимно определяют, звуки, сливаясь,
приходят в гармонию,
предыдущее и последующее следуют друг за другом.
Поэтому совершенномудрый, совершая дела,
предпочитает надеяние; осуществляя*

*учение, не прибегает к словам; вызывая изменения
вещей, [он] — не
осуществляет их сам; создавая, не обладает
[тем, что создано];
приводя в движение, не прилагает к этому усилий;
успешно завершая [что-либо],
не гордится. Поскольку он не гордится, его
заслуги не могут быть отброшены».*

Ян Хин-шун. «ДАО ДЭ ЦЗИН»

Перевод с древнекитайского в двухтомнике

«Древнекитайская философия».

Тринадцатый чжан

*Слава равна позору.
Гордость сродни горю.
Почему слава равна позору?
Стремись — из страха умереть безвестным.
Обретя — трепещешь потерять.
Оба впоены из ключа страха.
Так слава равна позору.
Почему гордость сродни горю?
Гордый привязан к себе:*

*воин в путях легко уязвим.
Безразличного несчастье не тронет,
стало быть не случится.
Служи людям беззаботно — станешь свободен.*

Перевод Олега Борушко

Восьмидесятый чжан

*В худой стране и народ-то убогий.
Стараются нажить себе побольше вещей,
а пользоваться ими уже времени нет.
Гнетет их страх смерти,
страшатся они любых перемен.
Хоть и имеют лодки и экипажи,
да некому в них ездить.
Хоть и есть у них войска и оружие,
да некому привести их в порядок.
Сами же только и мечтают о былом,
что хорошо бы вновь всем вернуться
к завязыванию узелков на веревке вместо письма.
По мне, лучше жить,
довольствуясь той пищей, что есть,
и одеждой, в которую одет.*

*И чтобы дом твой дарил тебе мир и покой,
а самые обыденные дела приносили радость.
Чтобы соседние земли были обращены лицом друг к другу,
и можно бы было слушать друг у друга лай собак
и пение петухов.
Чтобы люди умирали, дожив до преклонных лет,
и уходили отсюда с тем, чтобы уже не возвратиться.*

Перевод Александра Кувшинова

«Дао дэ цзин»

Единственным и поистине великим всемирным духовным наследием Лао-Цзы является его книга «Дао дэ цзин», состоящая из 81 чжана, словно в утробе своей беспорочной матери «Мудрый ребенок» сочинял каждый год по одному стиху, или сам вынашивал их, как мать, долгие годы своей аскетической жизни.

На сегодняшний день в ходу 23 версии прозаических и поэтических переводов разных лет на русский язык такими известными и менее известными авторами, как: Батонов С.*, Борушко О., Бурдонов И.*, Виноградский Б., Доброхотовы Н. и Т., Кан Ю., Конисси М., Кувшинов А., Лисевич И., Лукьянов А., Матвеев А. и о. Иоанн (Janis

Gutmanis), Маслов А., Малявин В., Перелешин В., Полежаева Ю.*, Саврухин А., Семененко И., Соловьева М.*, Сухоруков В., Ткаченко Г., Торчинов Е., Феано*, Ян Хин-шун (* — звездочкой отмечены переводы не с языка оригинала).

«Дао дэ цзин» написан ритмической прозой, чередующейся со стихами, хотя рифма постоянно присутствует даже в прозаических фрагментах этого текста — таковы мелодические особенности китайского языка. Являясь ровесником многих эпосов разных народов мира, «Дао дэ цзин» в корне от них отличается: нет никаких народных героев и описаний битв, нет романтических коллизий и непременной победы добра в последней главе — каждая строка содержит цель и способ развития духовного совершенства личности читающего: *«Кто, зная о своем мужском начале, берегает в себе женское, становится ущельем Поднебесной. А став ущельем Поднебесной, не разлучается с незыблемою добродетелью и возвращается к младенцу. Кто, зная, что он светел, берегает свою темноту, становится для Поднебесной образцом. А став для Поднебесной образцом, не вносит изменения в незыблемую добродетель и возвращается к бес-*

крайности. Кто, зная что он славен, берегает свою опозоренность, становится долиной Поднебесной. А став долиной Поднебесной, преисполняется незыблемою добродетелью и возвращается к тому, что первоначально. Первоначальное же рассыпается на чаши. Когда Премудрый человек для них находит применение, то становится главой чинов. Великое кроют не разрезая».

Лао-Цзы читали, перечитывали, переводили и даже трактовали многие видные деятели русской и западной культуры — Л. Толстой, Вл. Соловьев, В. Васильев, А. Швейцер, Г. Гессе, К. Ясперс, Г. Борель, американский мыслитель Г. Торо. Цитата из «Дао дэ цзина» звучит в известном фильме А. Тарковского «Сталкер».

Семьдесят шестой чжан

Человек при своем рождении нежен и слаб, а при наступлении смерти тверд и крепок.

Все существа и растения при своем рождении нежные и слабые, а при гибели сухие и твердые.

Твердое и крепкое — это то, что погибает, а нежное и слабое — это то, что начинает жить.

Поэтому могущественное войско не побеждает и крепкое дерево гибнет.

Сильное и могущественное не имеют того преимущества, какое имеют нежное и слабое.

Лев Николаевич Толстой писал: «И потому для того, чтобы жизнь человека была не горем, а благом, человеку надо научиться жить не для тела, а для духа. Этому-то и учит Лао-Тзе. Он учит тому, как переходить от жизни тела к жизни духа. Учение свое он называет Путем, потому что все учение указывает путь к этому переходу. От этого и все учение Лао-Тзе называется книга Пути. Путь этот, по учению Лао-Тзе, состоит в том, чтобы не делать ничего или хоть как можно меньше делать то, чего хочет тело, с тем, чтобы не заглушать того, чего хочет душа, так, чтобы не препятствовать деланием телесных дел возможности проявления в душе человека той силы неба (как называет бога Лао-Тзе), которая живет во всем».

Граф Толстой не только переводил «Канон Дао и Дэ» с французского перевода, но и редактировал в литературном отношении сделанный с оригинала перевод крещеного японца Конисси Масутаро.

«Существует один малоизвестный китайский философ Лаодзи, основатель религиозного учения (первый и лучший перевод его книги «О пути добродетели» на французский язык принадлежит Станиславу Жюльену) поставившего в основу своего учения *тао* — слово, которое переводится «путем, добродетелью, истиной». Таким образом, тао может быть достигнуто только неделанием, согласно переводу Жюльена», — записал в своем дневнике еще молодой Лев Николаевич.

Очень даже вероятно, что «зеркало русской демократии» граф Толстой занимался в Ясной Поляне по утрам гимнастикой тай-цзы-цуань или замирал в одной из фигур цигун. Нетрудно представить его и в позе лотоса, медитирующим перед тем как засесть за очередную главу «Войны и мира». Сквозь призму Лао-Цзы, которого можно назвать одним из духовных Учителей Толстого, становится понятной основная позиция «толстовства», что так не нравилась ульяновцам: непротивление злу насилием. «Великая истина Лао-Цзы: *Le non agir* — ничего не делать, не затевать, а только отдаваться тому, чему считаешь хорошим отдаваться, — отдаваться тому, в чем совпадаешь с потоком, с волей Божьей. Если бы

частицы потока воды стремились каждая по своему направлению, поток бы не имел силы и ничего бы не мог произвести. А какая страшная сила — стремиться самому туда же, куда тебя влечет. Илья Муромец сидел сиднем 30 лет. Так и надо сидеть, ожидая призыва от Бога. Делаешь зло и себе и людям, один раз от того, что не сделал, а 10 тысяч раз от того, что сделал», — открылась в учении великого мистика Льву Николаевичу.

Он даже немного завидовал древнему китайцу: «Очень значительно было для меня чтение Лаотце. Даже как раз гадкое чувство, прямо противоположное Лаотце: гордость, желание быть Лаотце. А он как хорошо говорит: высшее духовное состояние всегда соединяется с самым полным смирением».

Возможно, подводя итоги своей жизни, незадолго до последнего пути босиком навстречу смерти «матерый человечиче» записал: «Жизнь — это странствование и совершенствование душ, достигающих все большего и большего блага», — сказали брамины того же времени. «Жизнь — это отречение от себя для достижения блаженной нирваны», — сказал Будда, современник Конфуция. «Жизнь — это путь смирения и унижения для до-

стижения блага», — сказал Лао-Дзи, тоже современник Конфуция. «Жизнь — это то, что вдунул Бог в ноздри человека, для того, чтобы он, исполняя его закон, получил благо», — говорит Еврейская мудрость. «Жизнь — это подчинение разуму, дающее благо человеку», — сказали стоики. «Жизнь — это любовь к Богу и ближнему, дающая благо человеку», — сказал Христос, включая в свое определение все предшествующие».

Любимым чжаном графа был пятый. Прочтем самый первый перевод «Дао дэ цзина» на русский, сделанный Конисси Масутаро в 1894 г. и отредактированный Львом Николаевичем:

«Небо и земля не суть любвеобильные существа. Они поступают со всеми вещами, как с соломенной собакой. Святой муж не любвеобилен: он поступает с земледельцами, как с соломенной собакой. Все находящееся между небом и землей похоже на кузнечный мех. Он (кузнечный мех) пуст, но неистощим: чем чаще на-*

* Соломенная собака — это кукла собаки, сделанная из соломы. Она, по словам толкователя Лаоси Хако Геку-сен, употреблялась при жертвоприношении. Когда заканчивается обряд приношения, то китайцы бросают ее и топчут ногами. Здесь это выражение употреблено в смысле «ничтожество».

дувается, тем больше выпускает воздух. Кто много говорит, тот часто терпит неудачу; поэтому лучше всего соблюдать средину».

Герман Гессе, последовав совету своего отца, однажды открыл для себя Лао-Цзы: «Истина едина, хотя ее могут высказывать тысячи людей на тысячи ладов. Это — познание живого в нас, в каждом из нас, во мне и в тебе, познание тайного волшебства, тайной божественной силы, которую каждый из нас в себе носит. Это — познание возможности примирения в этой сокровеннейшей точке всех противоречий, превращения белого в черное, зла в добро, ночи в день. Индус называет это «атман», китаец — «дао», христианин говорит о благодати. Там, где обретается это высшее познание (как у Иисуса, у Будды, у Платона, у Лаоцзы), там преступается некий порог, за которым следуют чудеса. Там прекращается война и вражда. Об этом можно прочесть в Новом завете и в речах Готамы, которые при желании тоже нетрудно осмеять, обозвав «нутряным хламом». Но кому дано это испытать, для того враг станет братом, смерть — рождением, позор — честью, беда — судьбой. Всякая вещь на этой земле

имеет две ипостаси, одну — «от мира сего» и другую — «не от мира сего». Все, что вне нас, может стать врагом, опасностью, страхом и смертью. Но лишь когда понимаешь, что все это «внешнее» — не только предмет нашего восприятия, но одновременно и творение нашей души, лишь тогда начинается превращение внешнего во внутреннее, мира в «я», начинается просветление».

В «Размышлениях о философии Лаоцзы» немецкий гуманист и философ Альберт Швейцер выводит странный парадокс: «Самому Ницше не были известны его подлинные предшественники. Как и у Спинозы, их надо искать в Китае. Там жизнеутверждение пыталось познать самое себя. У Лао-цзы и его учеников оно еще этически наивно. В учении Чжуан-цзы оно принимает форму веселой разочарованности, у Ле-цзы превращается в стремление к таинственной власти над вещами, у Ян-цзы, наконец, становится оправданием безоглядного «прожигания» жизни. Этика Ницше представляет собою европейскую форму синтеза учений Ле-цзы и Ян-цзы. Создание философии жестокости было возможно, конечно, только в Европе...».

Странная параллель между Лао-Цзы с его недеянием и любимым философом Гитлера — Ницше непонятна лишь на первый взгляд. «Оружие — недоброе средство, оно не для того, кто благороден душою. Только когда не остается ничего другого, берется он за меч... Покой и мир для него высшее благо.

Он побеждает, но победа не приносит ему радости. Тот, кто радуется победе, радуется убиению людей...

На празднике победы государственный муж должен занять место свое, как то в обычае на похоронах. Убиение множества людей надлежит оплакивать слезами сострадания. Поэтому победивший на войне должен вести себя, как на похоронах», — рассказывает 31 чжан, понимая сугубо буквально слова «война» и «оружие» разочарованный А. Швейцер.

Слишком прямо и только «снаружи» видит Европейская рациональность китайского мудреца: или сопротивление, или согласие — и пропасть между ними. Пропасть страха.

На мой взгляд, отнюдь не то, что в наше время принято называть «пацифизмом», имел в виду

«Мудрый ребенок», если прочесть «Дао дэ цзин» с точки зрения суфийского принципа: «У воина духа нет внешних врагов», то, например:

Шестьдесят четвертый чжан

То, что спокойно, легко сохранить.

То, что еще не показало признаков, легко направить.

То, что слабо, легко разделить.

То, что мелко, легко рассеять.

Действие надо начать с того, чего еще нет.

Наведение порядка надо начать тогда, когда еще нет смуты.

Ибо большое дерево вырастает из малого, девятиэтажная башня начинает строиться из горстки земли,

путешествие в тысячу ли начинается с одного шага.

Кто действует — потерпит неудачу.

Кто чем-либо владеет — потеряет.

Вот почему совершенномудрый бездеятелен, и он не терпит неудачи.

Он ничего не имеет и поэтому ничего не теряет.

Те, кто, совершая дела, спешат достигнуть успеха, потерпят неудачу.

Кто осторожно заканчивает свое дело, подобно тому, как он его начал, у того всегда благополучие.

Поэтому совершенномудрый не имеет страсти, не ценит труднодобываемые предметы, учится у тех, кто не имеет знаний, и идет по тому пути, по которому прошли другие. Он следует естественности вещей и не осмеливается [самовольно] — действовать.

Ян Хин-шун. «ДАО ДЭ ЦЗИН»

Перевод с древнекитайского в двухтомнике
«Древнекитайская философия»

Будет означать: успокаивать себя лучше до того, как волнение захватило тебя полностью и ты начал какие-либо страстные действия во внешнем мире: «Кто осторожно заканчивает свое дело, подобно тому, как он его начал, у того всегда благополучие». А фраза: «Учиться у тех, кто не имеет знаний и идет по тому пути, по которому прошли другие», прямо рекомендует учиться на чужих ошибках.

Можно много проще относиться к «Великому мистическому наследию» — это довольно практические и на самом деле буквальные наставле-

ния, пригодные для различных жизненных ситуаций. Не стоит, подобно Конфуцию, видеть дракона в милом дружелюбном чудаче Лао-Цзы, что 2500 лет едет себе задом наперед на своем зеленом быке. Едет просто по своему пути, мимо нас, мимо времени и пространства: из ниоткуда в никуда.

Вскоре (из нашего XXI века разница + 150–200 лет во времена до «первого пришествия» — почти незаметна) после встречи Лао-Цзы и Конфуция, происшедшей примерно в 500 годах до н. э., на другой половине земли в солнечной Элладе произошла встреча двух других мистиков: в 367 г. до н. э. семнадцатилетний Аристотель прибыл в Афины и стал слушателем «Академии» Платона, где он пробыл двадцать лет, вплоть до смерти основателя «Академии». Платон был намного старше Аристотеля. Он сумел разглядеть гениального юношу и высоко его оценить. Обратите внимание, даже время «до пришествия», с нашей точки зрения, текло вспять: Платон родился в 427, а умер в 347 году, чтобы сосчитать, сколько он прожил, приходится менять местами год жизни и год смерти.

Однако настоящий «водораздел» пролег не в Вифлеемском загоне для скота, где родился Спаситель: именно Аристотель, стремясь углубить познание мира, повернул, образно говоря, стрелку компаса познания в положение «изнутри — наружу», тогда как «старая школа» смотрела «снаружи — во внутрь». «Что наверху — то и внизу», — так расшифровывают жест рук на портретах Лао-Цзы, указывающих одновременно и вверх и вниз. Аристотель разделил физику и метафизику для ясности наблюдения, а философы стали употреблять это словечко как бранное по отношению к теософам (филос — любовь, теос — дух, а София — мудрость). Но поскольку «инструмент» познания во все века один и тот же: сам человек, то и те и другие поспешили захлопнуть «ворота» в своих неприступных стенах и запереть их мощными «за-совами»: сухой логики у одних и мистического ритуала у других. Сегодня становится очевидным, что и те, и другие заперлись изнутри, оставив снаружи Вселенную.

Немного затрудним себя медленным, сосредоточенным (медитативным, для тех, кому это

понятие близко) и в то же время эмоциональным (доброжелательным) прочтением четырех вариантов одного и того же пятнадцатого чжана, не для сравнения качества перевода, а из желания понять суть, заложенную «Мудрым ребенком»:

Вариант 1

В древности те, кто был способен к учености, знали мельчайшие и тончайшие [вещи]. Но другим их глубина неведома. Поскольку она неведома, [я] — произвольно даю [им] — описание: они были робкими, как будто переходили зимой поток; они были нерешительными, как будто боялись своих соседей; они были важными, как гости; они были осторожными, как будто переходили по тающему льду; они были простыми подобно неотделанному дереву; они были необъятными, подобно долине; они были непроницаемыми, подобно мутной воде. Это были те, которые, соблюдая спокойствие, умели грязное сделать чистым.

*Это были те, которые своим умением сделать
долговечное движение спокойным,
содействовали жизни. Они соблюдали дао и не
желали многого. Не желая
многого, они ограничивались тем, что существует,
и не создавали нового».*

Ян Хин-шун. «ДАО ДЭ ЦЗИН»

*Перевод с древнекитайского
в двухтомнике «Древнекитайская философия»*

Вариант 2

*Те, кто в древности претворял Путь,
Погружались в утонченное и изначальное, сокровенно
все пронизали.*

*Столь глубоки они были, что познать их нельзя.
Оттого, что познать их нельзя,
Коли придется описать их облик, скажу:
Сосредоточенные! Словно переходят реку в зимнюю пору.
Осторожные! Словно опасаются беспокоить соседей.
Сдержанные! Словно в гостях.
Податливые! Словно тающий на солнце лед.
Могучие! Словно один цельный ствол.*

*Все вмещают в себя, словно широкая долина.
Все вбирают в себя, словно мутные воды.
Если мутной воде дать отстояться, она станет
чистой.
А то, что долго покоилось, сможет постепенно
ожить.
Кто хранит этот Путь, не знает пресыщенья.
Не пресыщаясь, он лелеет старое и не ищет
новых свершений.*

Примечание:

Во 2-й строке в мавандуйских и годяньском списках сказано: «...сокровенно достигают предела...». Разъяснение Хэшан-гуна: «Это значит, что они пребывали в единении с Небом». Ван Фучжи толкует эту фразу в духе формулы «сокрой и еще сокрой»: здесь, по его мнению, говорится о том, что древние мудрецы «постигали утонченнейшее в мельчайшем и все пронизали, обретя сокровенное». Нань Хуай-цзинь понимает эти строки следующим образом: «...досконально проникали в неизъяснимо-утонченный мир и очищали себя настолько, что постигали сокровенную общительность всего сущего».

Перевод и примечание В. Малявина

Вариант 3

Древние, выдававшиеся над толпой люди хорошо знали мельчайшее, чудесное и непостижимое.

Они глубоки — постигнуть их невозможно. Они непостижимы, поэтому внешность их была величественная.

О, как они медленны, подобно переходящим зимой через реку!

О, как они нерешительны, подобно боящимся своих соседей!

О, как они осанисты, подобно гостящим в чужом доме!

О, как они осторожны, подобно ходящим на тающем льду!

О, как они просты, подобно необделанному дереву!

О, как они пусты, подобно пустой долине!

О, как они мрачны, подобно мутной воде!

Кто сумеет остановить их и сделать ясными?

Кто же сумеет успокоить их и продлить их тихую жизнь?

Исполняющий Тао не желает быть удовлетворенным*.

* У Лаоси букв. «наполненным».

Он не удовлетворяется ничем, поэтому, довольствуясь старым и не обновляясь (душою), достигает совершенства.

Перевод Конисси Масутаро

Вариант 4

Те, кто в изначальной древности был благодетелем в служении¹, никоим образом не тревожили сокрывшихся мудрецов².

Глубокое³ не допускает личных стремлений. Оттого вознесу им хвалу:

О колеблющиеся! словно зимой переходящие реку...

¹ *Ши* — «ученый, образованный», но и «служаший, чиновник». Причем именно представители далеко не самого именитого сословия *ши* были основателями философских школ Древнего Китая. Здесь же этот иероглиф используется в качестве обозначения вида деятельности, поскольку ему предшествует знак *вэй* — «деять, делать».

² Именно так в буквальном переводе сказано в годиньском списке, поскольку знак *да*, стоящий последним в этой строке и традиционно переводимый как «достигать, проникать», имеет еще и древнее значение «мудрец». При этом более нигде в тексте этот знак не встречается, т. е., получается, речь здесь идет о мудрецах особых...

³ *Шэнь* — «глубокий, скрытый, недоступный», но и «глубокие [знания]». Т. е. вариант перевода — «Познавшие многое (углубившиеся) не допускают личных стремлений».

*О предусмотрительные! словно страшась
четырех соседей...*

О дерзкие! словно чужеземцы...

О расплывчатые! словно тающие...

*О незыблемо-неколебимые! словно дубов есте-
ство древесное⁴...*

О препятствующие! словно мутные...

*Что способно замутнять посредством покоя
и вместе с тем постепенно очищать? Что способ-
но оберегать посредством движения и вместе с
тем постепенно возрождать? Дорожащий подоб-
ным Дао не стремится обрести [ничто] — большее.
Тот, кто делает это, терпит неудачу в этом. Тот,
кто удерживает это, отдаляется от этого.*

*Вот отчего постигший не имеет деяний, по-
тому не имеет неудач, не имеет удерживаемого, по-
тому не имеет утрат⁵.*

Перевод годяньских списков: Ю. Кан

⁴ Пу — «природа, простота, естество», а также — «необработанная дре-
весина» и «дуб»

⁵ Т. е. «Тот, кто стремится обрести [ничто] — большее, утрачивает
это большее. Тот, кто удерживает [ничто] — больше, отдаляется от удер-
живаемого». Или: «Тот, кто следует этому, отдаляется от этого». Т. е. тот,
кто совершает над собою усилия, следуя тому или иному положению как
принципу (по сути — привязываясь к нему), еще далек от естественного,
бесстрастного и безусильного следования Дао.

Вот такими «идушими по тонкому льду», а не «машущими шашкой» рисует Лао-Цзы настоящих мудрецов — понимающих, проникающих, а не поверхностно знающих. От Аристотеля до Юма философия докатилась, с одной стороны, до полного солепсизма (грубо говоря: «Берешь в руки — имеешь вещь» и соответственно: того, что нельзя потрогать, не существует) и диалектического материализма («земля ему пухом») — с другой. Братья Стругацкие в романе «Понедельник начинается в субботу» создали блестящий гротеск диамата «Человек, удовлетворенный желудочно» — вершину пути от материального к духовному, этого «ЖУЧ'а», как известно, пришлось взрывать ядерной бомбой, чтобы он не сожрал Вселенную. Вот что может наделать слишком буквально понятый третий чжан:

*Если не почитать мудрецов, то в народе не будет ссор.
Если не ценить редких предметов, то не будет воров
среди народа.*

*Если не показывать того, что может вызвать за-
висть, то не будут волноваться сердца народа.*

Поэтому, управляя [страной], совершенномудрый делает

*сердца [подданных] — пустыми, а желудки — полными.
[Его управление] — ослабляет их волю и укрепляет их
кости.*

*Оно постоянно стремится к тому, чтобы у народа
не было знаний и страстей, а имеющие знания не
смели*

бы действовать.

Осуществление надеяния всегда приносит

спокойствие.

Перевод Ян Хин-шуна

В глубокое советское время «Дао дэ цзин» ходила по рукам в машинописных вариантах, бессмертный «Мудрый ребенок» продолжал наставлять на «*путь истинный*» своих потомков — русских даосов. Учение о бессмертии является существенным элементом даосской религии. Решающее влияние на развитие человеческого организма оказывают 36 тысяч различных духов. То, что человек не знает о существовании этих духов и не прислушивается к ним, и является причиной преждевременной смерти. Для достижения бессмертия нужно создать такие условия,

чтобы духи не желали покидать тело и чтобы их сила росла. Когда они добьются полной власти над человеческим телом, тогда оно дематериализуется, и человек, став бессмертным, вознесется на небо. Для обретения бессмертия даосы предлагали различные средства: от постепенного ограничения себя в еде (духи не выносят запаха крови и вообще резких запахов) и питания лишь собственной слюной до употребления различных талисманов и эликсиров. Понятно, что последние средства были доступнее большинству.

Именно проповедь долголетия и бессмертия и принесла даосизму популярность в народе и благосклонность императоров и возможность выжить в условиях тотального господства конфуцианства. Иллюстрацией доверия даосам в средневековом Китае может служить официальная статистика: в IX веке четверо императоров династии Тан преждевременно расстались с жизнью из-за злоупотребления даосскими препаратами долголетия. Но в результате общефилософские рассуждения о Дао и Дэ, как и идея отшельничества с принципом «недеяния», были вытиснены прим-

кнущими к даосизму магами, знахарями и шаманами, которым удалось синтезировать некоторые философские идеи учения с верованиями масс.

Интересно, что расцвет религиозного даосизма сыграл положительную роль в развитии науки средневекового Китая. В ходе занятий оккультными науками совершались неожиданные полезные побочные изобретения. Так, компас был изобретен в рамках геомантии (фэн шуй). Даосизм также способствовал развитию медицины и астрономии.

После революции 1949 г. в результате борьбы с религиозными суевериями в городах почти не осталось по-настоящему верующих даосов. Несмотря на это, сегодня в Китае насчитывается до 20 миллионов ортодоксальных приверженцев этого учения в основном в деревнях и в переживших Культурную революцию даосских монастырях.

В практической жизни руководящим идеалом должна служить простота и несложность правил: самопознание и самоограничение, сво-

бода от эгоистических побуждений и любовь ко всем людям, доходящая до предписания за зло платить добром. Бездеятельность, являясь идеалом жизни человека, вызывает желание покоя и уничтожение стремления к познанию внешнего Мира. Благо общества покоится на неведении, и правители должны держать народ вдали от знания и свободным от всяких стремлений к нему, а если бы кто-либо оказался имеющим знания, то обязанность правителей состоит в том, чтобы лишить такого человека возможности обнаруживать свои знания... Многие пункты учения Лао-Цзы доселе остаются еще невыясненными. Поэтому даосский мудрец уподобляется младенцу (и даже нерожденному младенцу), находящемуся в полном единстве со своей матерью — Великим Дао — Путем.

В течение последних 150 лет «Дао дэ цзин» десятки раз переводился на европейские и иные языки (включая, например, иврит и эстонский), привлекая огромное внимание не только ученых-китаеведов, но и философов, писателей и других представителей творческой интеллигенции. Трактат от начала до конца продуман одним человеком

за годы, проведенные в кабинетной тиши, очень строен, очень последователен и возражений не предполагает даже в теории. Кроме того, трактат явно претендует на универсальность, на то, что его принципы оказались бы равно приложимы ко всем элементам.

Неизвестно как относились к Лао-Цзы современники, каким он был в жизни, но можно воспользоваться своеобразной психологической реконструкцией А. Афанасьева:

«По всем своим характеристикам Лао-цзы типичный интеллигент: рассеянный, малообщительный, вечно погруженный в свои мысли, хотя и не чуждый эстетическим запросам. Он тверд в принципах, но по мелочам уступчив, терпим, доброжелателен, честен. Внешность у него обычно невзрачна, он склонен к ханжеству, аскетизму, непротивленчеству, пацифизму, хотя в мечтах редкий драчун и повеса. Как всякий «догматик», Лао-цзы довольно тяжел в общении, безапелляционен, темен в речах и не деликатен в выводах, но так как «догматизм» его окрашен «дворянством», то, даже оказавшись в родной для себя

стихии рассудочности, он не так безнадежно глух к чужим мнениям, как можно было ожидать, и вообще внутренне умственно совершенно раскованный человек, если не сказать — интеллектуальный циник».

Если верить этой психологической характеристике, то самому Лао-Цзы так и не удалось довести свою личность до совершенства. Поскольку воспоминаниями соотечественников о его поведении «в быту» мы не располагаем — оставим, как говорится, «святого отца делать то, что он считает нужным», а поступать будем согласно тому, что он нам советует.

Кстати, именно в своих советах типа: «На ненависть нужно отвечать добром» (63 чжан), Лао-Цзы далеко не оригинален, как и во многих других идеях. Похоже, у него был ряд единомышленников, жаль, за давностью лет сохранилось лишь несколько имен.

Пилигримы трансцендентного

С тех времен, когда человечество выделило себя из природы, прошли тысячелетия, и эта пропасть, все углубляясь, в наши дни, похоже, дошла до своей противоположности, как говорил Лао-Цзы: «Вещь, доведенная до предела, превращается в свою противоположность» (78 чжан). Один из его фундаментальных законов гласит: «Дао, Неизменное, управляет законами изменения вещей. Возвращение — движение Дао» (25). Сегодня мы стремимся обрести гармонию с окружающим миром.

Отделив время от пространства и материи люди познали бесконечность пространства, конечность бытия и фрагментарность материи, которая

начала как пазлы в мозаике дробиться и рассыпаться прямо на глазах изумленных поколений: молекулы, атомы, частицы... Несколько веков назад, смело выйдя в поход к границе материального мира — к его наимельчайшим частям, физики сегодня застыли в изумленном молчании перед тем, что тщетно искомый конец материи оказался совершенно неожиданным началом... чего?

Заглянем в глубь веков или в сегодняшний день: по сути своей — это одно и то же: сегодняшний день содержит в себе всю глубь веков, а глубь веков предвещала сегодняшний день. И, в частности, эту книгу в ваших руках...

«Книга Иова»

Автор неизвестен. «Книга Иова» — часть Библии, Ветхого завета, предположительно датируется V—IV веками до н. э. Мнения о времени написания книги высказывали самые разнообразные. Ориген (ок. 185 — ок. 254), следуя иудейской традиции, относил ее ко временам Моисеевым. Свт. Иоанн Златоуст (347—407) писал: «Говорят, что эту книгу составил Соломон (царствовал с 972 по 932

годы до н. э.), если только она не есть произведение Моисея (Преподобный Моисей Мурин жил в IV веке в Египте)». Этот же взгляд поддерживали и свт. Григорий Богослов (Григорий Назианзин, или Богослов (380-381) и другие древние экзегеты.

Из 3-й главы:

«Или, как выкидыш сокрытый, я не существовал бы, как младенцы, не увидевшие света.

Там беззаконные перестают наводить страх, и там отдыхают истощившиеся в силах. Там узники вместе наслаждаются покоем и не слышат криков приставника. Малый и великий там равны, и раб свободен от господина своего.

На что дан страдальцу свет, и жизнь огорченным душою, которые ждут смерти, и нет ее, которые вырыли бы ее охотнее, нежели клад, обрадовались бы до восторга, восхитились бы, что нашли гроб?

На что дан свет человеку, которого путь закрыт и которого Бог окружил мраком? Вздохи мои предупреждают хлеб мой, и стоны мои льются, как вода, ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мне.

Нет мне мира, нет покоя, нет отрады: постигло несчастье».

Сороковой чжан

*Истина живому жизнь дает,
Вскармливает и растит его,
А сама не думает владеть:
Воздаянье разве нужно ей?
Власть ее живых не тяготит,
Истина от века такова.*

Сорок первый чжан

*Чья живая сила в полноте,
С новорожденным ребенком схож:
Избежит он ядовитых жал
И зубов звериных избежит,
И орлиных избежит когтей.
Мягкокостный, все же он могуч:
Тайной двух полов владеет он,
Ибо жизненных исполнен сил.
И кричать он может целый день:
Звонкий голос не сойдет на хрип!*

Сорок второй чжан

*Кто внутри согласие нашел,
Этим знаньем будет просветлен.
Легкомыслие — начало зол,
Но и воля — тот же произвол.*

Перевод Валерия Перелешина

Заратустра (Зороастр)

По преданию, во время беременности мать Заратустры увидела вещие сны о необыкновенной судьбе будущего сына. Согласно мифам, Заратустра был единственным в мире ребенком, который при рождении не заплакал, а засмеялся. Таким было и его учение — жизнерадостным, полным любви к окружающему миру.

Аристотель (384—322 гг. до н. э.) относил эпоху Заратустры за шестьсот лет до кончины Платона (348 год до н. э.). Другие античные авторы говорили о пяти тысячелетиях до Троянской войны, которую традиционно датируют XIII веком до н. э. Третьи в согласии с преданиями последователей пророка вели речь о двух с половиной веках до

Александра Македонского (356—323 гг. до н.э.). Пифагор (VI — начало V века до н.э.) был первым греком и европейцем, познакомившимся с учением восточных магов. В своих путешествиях он посетил Вавилон, где занимался изучением философии, считается, что он неоднократно встречался и беседовал с учителем Заратустрой, следовательно, они действительно были современниками и могли встречаться. Таким образом, получается, что Заратустра и Пифагор были современниками Лао-Цзы.

Первые 30 лет жизни принца Заратустры протекали на территории Вавилона в бассейне современной реки Диялы (Курдистан). Он получил прекрасное по тем временам образование, и перед ним открывалось блестящее будущее. В 20 лет Заратустра «оставив мирские желания, вступил на путь праведности», наступило время самопознания и духовных поисков. В 30 лет он покинул свой дом и пустился в странствия. В Иране ему явился добрый дух, который привел его к верховному Владыке Ормузде, в присутствии которого Заратустра «не увидел собственной тени на земле из-за их яркого свечения». Здесь он получил Божественное Откровение, а также ответы на многие

волновавшие вопросы. Ормузд вручил своему избраннику священную книгу «Зендавесту» с приказанием идти ко двору царя Гистаспа и там проповедовать новое учение: «...И вдруг, стоя в воде, Заратустра, к изумлению своему, увидел в этом безлюдном месте приближавшегося к нему мужчину. Выглядел незнакомец странно: величественный облик выдавал в нем небожителя. Он был необыкновенно высоким (ростом в три копыя), прекрасным и сияющим. Это был сам Воху Мана — Благой Помысел, один из Бессмертных Святых (Амеша Спента). И он проводил праведного Заратустру к остальным Амеша Спента. Свет от них исходил такой, что человек «не увидел собственной тени на земле». Возглавлял этот синклит сам Ахура Мазда. Однако смертному позволено было сесть: для него заранее приготовили место. И Заратустра стал спрашивать о самом важном — теперь уже не у людей, а у самого Творца.

Ахура Мазду Спитама спросил Заратустру:

*«Скажи мне, Дух Святейший,
Создатель жизни плотской,
Что из Святого Слова*

*И самое могучее,
И самое победное,
И наиблагодатное,
Что действительней всего?»*

И Благой Дух открыл ему множество своих имен: Вопросимый, Желанный, Мощный, Истина, Всеобъемлющая Благодать, Разум и Разумный, Учение и Ученый, Святость и Святой, Сильнейший, Беззлобный, Победный, Всесчитающий и Всевидающий, Целитель, Создатель, Покровитель, Хранитель... В окончательной редакции Авесты насчитывается 72 имени. И тогда же Ахура Мазда поведал Заратустре, что не существует великого множества богов и божков: все благое на земле происходит от Единого, а все дурное — от Духа Зла. Амеша Спента сделали свой выбор, и теперь каждый человек тоже должен сделать его.

По другим источникам, в 594 году до н. э, спасаясь от войны, принц Заратустра вынужден был бежать ко двору своего дальнего родственника царя Лохраспа, жившего на юге современного Ирана. В «Шахнаме» сохранился рассказ о нача-

ле распространения зороастризма в державе Лохраспа: Владыке вещает Зердешт (прототипом этого героя считается Заратустра):

*Я пророк,
За мною идти повелел тебе Бог.
Горящие угли принес я, их жар —
Небесного рая спасительный дар...
Я послан Творцом, — так пророк продолжал, —
Чтоб веру в Него от меня ты принял,
Так следуй отныне заветам моим,
Добро предпочти бранным благам земным.*

Более четырех десятилетий Заратустра проповедовал свое учение в государстве Лохраспа. За это время он был трижды женат и имел трех сыновей и трех дочерей. Позднее в Иране победило мусульманство, в целом враждебно относившееся к иным религиям. Но даже мусульманские авторы эпоху Заратустры отождествляли с золотым веком. Его страна была завоевана, и мудрец в сопровождении последователей бежит на север. Здесь, близ южных берегов Каспия, он в возрасте 77 лет и закончил свою жизнь. Со временем За-

ратустру стали чтить как полубога. Зороастрийская мораль — этическая триада благих мыслей, благих слов и благих дел.

До сих пор само существование личности Зороастра вызывает споры ученых. Для современного человека «лучшим доказательством того, что Зороастр был исторической личностью, без сомнения, служит его религия — такую строго продуманную стройную систему, вероятно, мог создать только гений одного великого человека, хотя он и пользовался, несомненно, уже ранее существовавшими данными, которые затем слил в единое целое».

*«Есть тайна двух, но тайны нет у трех,
И всем известна тайна четырех».*

*Поэма «Рустам и Сухраб» (из эпоса «Шахнаме»),
перевод с фарси В. Державина*

Сорок второй чжан

*Путь рождает Одно,
Одно рождает Два,
Два рождает Три,
А Три рождает всю тьму вещей.*

*Все вещи несут в себе Инь и обнимают Ян,
Пустотное дыхание приводит их к согласию.
То, чего люди не любят, —
Это быть «сиротой», «одиноким», «беспомощным»,
Но так называют себя цари и князья.*

*Посему тот, кто теряет, порою приобретает,
А кто приобретает — тот теряет.*

Чему люди учили, я тоже учу:

«Злой и сильный умрет не своей смертью».

Пусть это будет мне отцом моих поучений.

Примечание к переводу:

По поводу 5-й строки Янь Цзунь замечает: «Все вещи берут начало в пустоте и неналичии, отворачиваются от Инь и обращаются к Ян».

Перевод и примечания В. Малявина

Не нуждается в комментариях явно заметное смысловое совпадение «краеугольных камней» духовных основ практически трех поколений «современников» Лао-Цзы с его «Дао дэ цзином». Чтобы не утомляться датами и великими именами (у нас впереди целая серия подобных очерков), кратко познакомимся с еще одним легендарным

великим мистиком — тоже ровесником «Мудрого младенца».

Гермес Трисмегист

Гермес Трисмегист (Трижды Великий), основатель Египта, Науки и Просвещения. Правитель, законодатель, главный жрец. Великий Воплощенный. Он победил Мир, не трогая мира и не борясь с ним вовне, а только внутри преодолевая внешнее.

На время, когда родился Моисей (IV в. до н. э.), приходится расцвет Атласа-астролога, который был братом Прометея-физика и дядей по матери старшего Меркурия, чьим племянником был Меркурий младший — Гермес Трисмегист. Так начинается Аргументум (argumentum) — с пересказа генеалогии Гермеса, предложенной Августином.

Гермеса Трисмегиста называют первым автором теологии: ему наследовал Орфей (предположительно XIII век до Р. Х.), второй среди древнейших теологов: Аглаофему, посвященному в учение Орфея, наследовал в теологии Пифагор (IV в. до н. э.), чьим учеником был Филолай (V в. до н. э.), учитель божественного Платона (скончался в 348 году до н. э.).

В настоящее время некоторыми историками и философами Гермес Трисмегист считается мифической фигурой, однако раннехристианские авторы (Климент Александрийский ок. 150 — ок. 215, Лактанций ок. 250 — ок. 330 гг., Августин Блаженный 354—430 гг.) не сомневались в том, что это была реальная историческая личность. Гермес Трисмегист оставил потомкам великие «Изумрудные скрижали» — замечательно цельный мистический труд, ставший, в частности, основой масонского учения.

Скрижаль 4.

Пространство Рожденное.

*Внимай, муж, гласу мудрости, внимай гласу
Тота Атланта.*

*Не тая, даю тебе свою мудрость, что собрал
из времени и пространства этого цикла; мастер
мистерий,*

*Солнце утра, живущий вечно, дитя Света, сияющее
яркостью, звезда утра,*

*Тот — учитель детей человеческих, суть от
Всецелого.*

Давным-давно, в детстве, я лежал под звездами в Атлантиде, давно погребенной, мечтая о таинствах, что превыше людей.

И великое стремленье взросло тогда в моем сердце —

покорить тот путь, что к звездам ведет.

Год за годом искал я мудрость, овладевая новым знанием, следуя пути, пока наконец моя Душа, в великом усильи,

разорвала оковы и вырвалась прочь на свободу.

Свободен я был от оков людей земли.

Свободен от тела, я пронесся стремглав через ночь.

Открыто наконец для меня было пространство звезд.

Свободен я был от уз ночи.

Мудрость теперь я искал до пределов пространства,

далеко за пределами знаний человека предельного.

Далеко в пространство путешествовала Душа моя без преград,

в круг света бесконечности. Странны, за пределами знания, были некоторые планеты,

величественные, гигантские, за пределом мечты человеческой.

И все же нашел я Закон, во всей его красоте, что действует на этих планетах и среди них, как и здесь, среди людей.

...

Знай, муж, что Свет — наследство твое.

Знай, что тьма — лишь покрывало.

Запечатана в сердце твоём ясность вечная, ожидая покорить мгновенье свободы, ожидая разорвать покрывало ночи

Переводчики: Надя Добрая, Науруз

Жизнь после жизни

Спросите сегодня любого мало-мальски «продвинутого» в эзотерике человека: «Как могут несколько людей одновременно прийти практически к одной мысли?» «Легко!», — ответит он вам и пояснит: — Они вышли в ЕДИНОЕ Информационное поле планеты и «скачали» оттуда «файлы»... Получается, это нормально, что целая группа великих мистиков на разных континентах, в разных странах получила одно и то же Знание примерно в одно и то же время? Или это все-таки наш скромный парень Лао-Цзы верхом на синезеленом буйволе проехал через Азию и Египет в Элладу и щедро засеял непаханое поле смутных вероисканий семенами Великой мудрости?..

Помню, в школьные годы меня удивляло, что в «наглухо застегнутой» Англии XIX века конан-дойловский Шерлок Холмс знал приемы «борьбы нанайских мальчиков». А уж нынешний Эраст Фандорин со своим японским стилем — настоящее «новаторство». Казалось, что мои друзья, тайно читавшие в 70-х годах «Дао», — первые и единственные русские даосы. Нам кажется, что это мы открыли Восток. На самом деле, каждое поколение открывает *свой восток*. И читает *своего* Лао-Цзы.

В начале 2004 года в Администрацию Президента России для вручения В. В. Путину была передана роскошная книга «Путь правителя» (полное название: «Путь правителя. История будущего» или «Книга о потоке и силе» — именно так буквально переводится с китайского «Дао дэ цзин»).

Это самое свежее издание бессмертного труда Лао-Цзы на русском языке принадлежит двум соавторам: Б. Виногородскому и Б. Кузыку: «...Мы взяли древний текст «Трактат о Потоке и Силе» («Дао дэ цзин»), созданный более 2500 лет тому назад, и переписали его, ничего не меняя в его струк-

туре, но в качестве адресата поставили мудрого правителя. Каждую главу мы снабдили сопроводительной цитатой, взятой из древних источников. Это сделано для того, чтобы приблизить современного читателя к истоку мудрости в китайской традиции».

«В наши дни нравоучительная литература не в моде. ...Остро ощущается конечность жизни, которая заполнена бесполезной суетой; суету эту пытаются возвести в квазисистему с помощью психоанализа и новейших достижений социального инжиниринга. В результате общество воспринимается как бездушный механизм, противостоящий индивидуальности», — так пояснил Бронислав Виноградский идею обратиться именно к наследию Лао-Цзы.

«Будучи в своей основе мета-метафорой, ДАО ДЭ ЦЗИН дает возможность описания мира в системе координат, где в зависимости от изменения глубины фокуса восприятия меняется тип видения, в результате чего феномены преобразуются в разные типы форм, соединенных разными типами связей».

Любой перевод запредельных конструкций условен. Описание переменчивости дракона об-

речено на ограниченность, неуклюжесть. Ибо переменчивость — это образ дракона, а не наоборот. Выход за пределы полей восприятия расчлененного мира — это один из ориентиров синтаксического действия в пространстве Текста, Контекста и Подтекста. С этой точки зрения три иероглифа ДАО ДЭ ЦЗИН, стоящие в заглавии данного образования, можно перевести как «Текст Контекста в Подтексте», или «Контекст в Подтексте Текста», или «Подтекст в Тексте Контекста», — так в мистическом ключе поясняет Бронислав Брониславович свое видение наследия «Мудрого ребенка».

За почти два века неиссякаемого интереса русских умов к «Дао дэ цзин» появился один, который, досконально зная канонические переводы, в совершенстве владея китайским языком и множеством его диалектов, решился сделать не просто еще один «самый подробный перевод» или еще одно «самое точное» толкование. Б. Виноградский живет, дышит и мыслит в духе Великого Дао, а может и беседует с Лао-Цзы (ведь никто не видел могилы Бессмертного мистика), знакомит с Ним руководство нашей страны, что-

бы Древнее Дао обновило наш суетный и мелочный век.

*Совершенный правитель наблюдает
как все рождается в сознании.
Он видит, как действуют силы,
совершая процессы,
как постепенно проявляется
форма предметов в сознании,
как контекст ситуаций
завершает эти процессы.
Потому для множества предметов
сознание — это и есть высшая сила бытия,
потому и силы, действующие в сознании,
почитаются за высшие силы.*

Перевод Б. Виноградского.

Сегодня нам кажется невероятным «откровением» — потусторонние голоса видения и явления, а для мистиков именно *это* многие века было банальной практикой, для простых людей — нормальными новостями повседневной жизни. «А наш-то Святой отец опять с Иисусом беседовал», — судачили средневековые кумушки во Франции или

в дальней английской колонии — Индии. И тот священник, который не беседовал, был под подозрением. Кто никаких голосов не слышал — не почитался паствой...

Столь скудной и серой духовной жизнью, как сегодня, мир еще не жил никогда за все века существования человека. Это сравнимо лишь с миром до появления Лао-Цзы.

Некоторые даты

История Китая насчитывает на сегодня 7 тысячелетий. Древнекитайский очаг земледельческого неолита возник примерно в VI—V тысячелетиях до н. э. в бассейне Хуанхэ. Это хорошо известная специалистам культура Яншао.

Бронзовый век в Китае зафиксирован археологами с середины II тысячелетия до н. э., причем как темпы его появления и расцвета, так и высокий уровень бронзолитейного дела в сочетании с рядом иных важных нововведений, как, например, письменность, практика строительства пышных дворцов и сооружения гробниц, искусство резьбы по камню, высококачественная отделка утвари, украшений, оружия и многие иные

аксессуары развитой урбанизации, позволяют предполагать, что цивилизация бронзового века в Китае (эпоха Шан-Инь) очень многим обязана культурным влияниям извне. Мигрировавшие в сторону Средней Азии в середине II тысячелетия до н. э. индоевропейские племена могли сыграть определенную роль в процессе генезиса китайской цивилизации, предстающей ныне перед наукой в виде раскопанного археологами иньского городища в Аньяне (XIII—XI вв. до н. э.) и всей династии Шан-Инь.

Чэй Тан [эпоха Шан-Инь] — легендарный основатель китайской династии Шан-Инь [правил ок. 1728—1698 гг. до н. э.].

Цинь-хоу [857—848 гг. до н. э.] — правитель дома Цинь.

Гун-бо [847—845 гг. до н. э.] — правитель дома Цинь.

Цинь-чжун [844—822 гг. до н. э.] — правитель дома Цинь.

Чжуан-гун [821—778 гг. до н. э.] — правитель дома Цинь.

Сян-гун [777—766 гг. до н. э.] — правитель дома Цинь.

Вэнь-гун [765—716 гг. до н. э.] — правитель дома Цинь.

Нин-гун [715—704 гг. до н. э.] — правитель дома Цинь.

Чу-цзы [гун] [703—698 гг. до н. э.] — правитель дома Цинь.

У-гун [697—678 гг. до н. э.] — правитель дома Цинь.

Дэ-гун [677—676 гг. до н. э.] — правитель дома Цинь.

Сюань-гун [675—664 гг. до н. э.] — правитель дома Цинь.

Чэн-гун [663—660 гг. до н. э.] — правитель дома Цинь.

Му-гун [659—621 гг. до н. э.] — правитель дома Цинь.

Кан-гун [620—609 гг. до н. э.] — правитель дома Цинь.

Хуань-гун [603—577 гг. до н. э.] — правитель дома Цинь.

Хуй-гун [500—491 гг. до н. э.] — правитель дома Цинь.

Дао-гун [490—477 гг. до н. э.] — правитель дома Цинь.

Ли-гун-гун [476—443 гг. до н. э.] — правитель дома Цинь.

Цзао-гун [442—429 гг. до н. э.] — правитель дома Цинь.

Хуай-гун [428—425 гг. до н. э.] — правитель дома Цинь.

Лин-гун [424—415 гг. до н. э.] — правитель дома Цинь.

Лао-Цзы (ок. 604 — ... до н.э.) — мистик, философ, наставник правителей.

Конфу-цзы (Конфуций) 551—479 гг. до н. э. — философ.

Чжуан-цзы (369—286 гг. до н.э.) — философ.

Старцы Хань и Ци [III в. до н.э.] — даосские отшельники.

Сыма Цянь [ок. 145—88 гг. до н. э.] — известнейший китайский историограф.

Такое ощущение, что это не хроники древнекитайской императорской династии, а список президентов США — с такой завидной регулярностью один император сменяется другим. Но каково при такой «ротации кадров» было нашему библиотекарю Лао-Цзы? Мало вероятно, что в те времена делопроизводство было отделено от историографии — значит, Лао-Цзы скорее всего «по совместительству» хранил и все приказы, издаваемые правителями, то есть обеспечивал преемственность управления страной. Так что его наставлениям «мудрому правителю» вполне можно доверять как практическому руководству для императоров Китая.

Вполне возможно, что Мудрому старцу надоели эти бесконечные перемены, а может быть и не нашел понимания его аккумулированный годами практических наблюдений трактат «Дао дэ цзин». И он повез его с собой в добровольное (или

нет?) изгнание, чтобы отдать на пограничной заставе какому-то солдату.

Лао-Цзы невозможно обобщенно представить ни мистиком, ни этиком, ни политиком. Он при всех страданиях остается светел душой. Он не знает ни угрозы буддийского перерождения, а потому и жажды выйти из колеса страданий, ни христианского креста — боязни неизбежной греховности, зависимости от милости избавления благодаря замещающей жертвенной смерти бога, ставшего человеком.

Образ Лао-Цзы почти лишен груза биографической конкретики, и поэтому загадочный и таинственный привлек даосов, постепенно начавших процесс его обожествления. В результате уже к первым векам нашей эры Лао-Цзы превратился в бога, вечного и всемогущего.

После открытия древней мавандуйской, а в 1993 г. годяньской редакции памятника — исследования «Дао дэ цзина» обрели второе дыхание, поскольку теперь многое в учении этого памятника видится в новом свете (особенно это касается религиозных и психопрактических аспектов

учения текста и его связи с даосской доктриной обретения бессмертия). Поэтому можно с уверенностью сказать, что загадки «Дао дэ цзина» еще не разрешены и текст будут продолжать исследовать еще многие поколения китаеведов, хотя уже и сейчас литература на всех языках мира, посвященная этому тексту, поистине не поддается полному учету.

Небо становится ближе

О серии книг

Свет мистических знаний о Едином освещает Путь пилигримам трансцендентного на протяжении всех тысячелетий исканий места встречи с НИМ. Испокон веков великие мистики предавались тайным практикам и проходили через суровые аскезы ради Великого Освобождения, ради осознания Истины.

Замечено, что расцвет мистицизма, как правило, наступает вслед за прогрессом в других сферах жизнедеятельности человека и, по-видимому, является их завершением — очевидно, всплески жизненных сил, на волне которых человек пред-

принимал новые попытки покорения вселенной, на завершающей стадии приводили к появлению героических личностей, пытавшихся закрепить достижения в сфере духа. Если великую и неугомную жизнь человеческого рода попытаться описать, прибегнув к банальной метафоре волнующегося моря, то можно сказать, что каждая волна, вздымающаяся из глубин, несет на своем гребне прирожденных мистиков.

Каждый самобытный мистик во многом обязан наследию своих духовных предков. Вряд ли кто будет оспаривать, что именно этот фактор формирует его мировоззрение — у своих предков он заимствует язык, на котором рассказывает миру о своих странствиях. Кроме того, обычно именно с помощью письменных свидетельств, оставленных его предтечами, мистик проясняет для себя значение туманных откровений, явленных в процессе постижения его собственной душе. Затем, внося своим опытом вклад в общий «капитал», мистик вручает обогащенную традицию последующим духовным подвижникам рода человеческого. Таким образом, все великие мистики связаны единой нитью, и их судьбы следует

рассматривать не как отдельные жизнеописания, а как фрагменты единой истории.

Вот в таком ключе задумана новая серия «Великие мистики за 90 минут»: в простых коротких очерках будут изложены биографии и основы учений великих духовных наставников человечества, беспросветно сер и уныл был бы наш сегодняшний день, если не было бы в нем Лао-Цзы, Нострадамуса, Пифагора, Шри Ауробиндо, Кастанеды, Коэльо, Ошо, Луизы Хей, Лиллиан Ту, Саи Бабы, Даниила Андреева, Виилмы, Свяша, Мегре (Анастасии), Лазарева, Правдиной, Зеланда, Веришагина, Гурджиева, Блаватской и многих других, чей свет озаряет невидимый и «недеянный» ПУТЬ человеческой цивилизации от Единого к Единому через хаос: «Великое кроют не разрезая».

Восемьдесят первый чжан

*Правдивые слова не ласкают слух.
Ласкающие слух речи не правдивы.
Добрый человек не искусен в спорах.
Тот, кто искусен в споре, — не добрый человек.
Знающий человек не нагружен знаниями.*

ЛАО-ЦЗЫ ЗА 90 МИНУТ

Тот, кто нагружен знаниями, — не знающий человек.

Премудрый человек не накапливает.

Чем больше он отдает другим, тем больше имеет сам.

Путь Неба — приносить пользу и ничему не вредить.

Путь мудрого — действовать и не мешать другим.

Перевод В. Малявина

Для заметок

Эта страна с многовековой историей, уважительно и не без основания именуемая Поднебесной империей, — пожалуй, одна из самых загадочных и непостижимых во всем мире. Любые учения, исходящие из Китая, имеют привкус таинственности и утонченности, они лишены всякой поспешности и суеты, и Лао-Цзы со своим поистине мистическим трактатом «Дао дэ цзин» — это живое отражение культуры и мировоззрения целого народа, в каждой строчке которого — духовное самосовершенствование и самопознание. По слухам, Лао-Цзы был большим чудачком, но от чудачества до гениальности — всего один шаг... и этот шаг он сделал.

В книге «Лао-Цзы за 90 минут» читателю предлагается краткий обзор жизни и трудов знаменитого китайского философа. Здесь раскрывается влияние развития духовного мира Лао-Цзы, полного парадоксов и противоречий, на понимание им сущности бытия. Читатель найдет в книге описание жизненного пути великого мистика, выдержки из его работ, а также даты важнейших событий, произошедших как в судьбе самого Лао-Цзы, так и в истории его эпохи.

Серия «Знаменитые мистики за 90 минут» — это лучший способ познать неизведанное и расширить границы сознания.

ISBN 5-17-037784-3

МИСТИКА — ПРОСТО О СЛОЖНОМ!